

УДК 316.33: 001/13

Н.А. Иванова**НАУКА В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
БРУНО ЛАТУРА И СТИВА ВУЛГАРА**

Дается критический разбор работ Б. Латура и С. Вулгара в рамках направления «социальных исследований науки». Ставится задача выявить проблематику, способы решения, основные положения и методологию, предложенные французскими исследователями. Делается вывод о том, что социальные исследования науки, осуществляемые Латуром и Вулгаром, предлагают новое видение науки как практики – наблюдаемых способов действия, в которых не просто реализуются определенные правила или осуществляется индивидуальная импровизация, а реализуется нечто среднее. Реальная научная практика предстает как обладающая единством и целостностью, выходящая за пределы сложившихся дисциплинарных границ. При этом внимание исследователей обращено не только к анализу отдельно взятых научных практик, но и сопровождается изучением, с одной стороны, их истории, с другой – постановкой вопроса об их перспективах.

Ключевые слова: социальные исследования науки, наука, социальный конструктивизм, реляционная онтология, этнометодология, антропология, дискурс, анализ.

Современные исследования в области эпистемологии науки демонстрируют существование двух подходов: классического и неклассического. Первый, не являясь однородным направлением, в целом исходит из ряда положений: установки эссенциализма, допускающей существование объектов познания независимо от нашего восприятия, идеи существования истинного знания и метода его достижения. И как следствие, с одной стороны, утверждает дистинкцию внешнего и внутреннего, социальных и когнитивных факторов развития научного знания, с другой – описывает познавательную ситуацию в терминах детерминации. Странники неклассического подхода утверждают, что столь популярные в классическом подходе дихотомии ослабевают и уходят в прошлое, а в будущем будут полностью преодолены. Вместо идеи детерминизма они предлагают практику деконструкции и конструирования. Наиболее ярким примером неклассического подхода являются исследования в рамках социальной эпистемологии или «социальных исследований науки», возникшие во второй половине XX века в результате критики стандартной модели науки.

Основным положением классического подхода социальная эпистемология противопоставляет «идею диахронического и синхронического методологического и содержательного плюрализма науки, показывая, что за выбором той или иной теории стоят комплексные социальные, технические, психологические, культурные, экономические и прочие связи и отношения, нелинейное развитие которых «вклинивается» между когнитивным субъектом и исследуемым объектом и влияет на познавательный (в том числе научный) результат» [1. С. 65]. Нам представляется возможным отнести комментарии Элизабет Штрёкер, сделанные в отношении философских исследований тех-

ники, к современным исследованиям в области социальной эпистемологии и сказать, что они представляют «собой картину многочисленных частных штудий, которые сами рассматривают себя как «наброски» и «подходы» [2. С. 55]. Неструктурированность данной философской проблематики обусловлена как отсутствием четкого и ясного определения того, что представляет собой социальная эпистемология, так и проблематизацией понятия «социальное», на что указывают отечественные исследователи [3]. Однако отсутствие общих связей и фактическое различие точек зрения не мешают представителям данного направления делать ссылки друг на друга. Одновременно нельзя сказать, что социальная эпистемология предстает как конгломерат бесчисленных начинаний, так как ряд подходов становятся все более документированными, несмотря на отсутствие их систематической обработки и оценки. Концептуальным же ядром социальной эпистемологии, как указывает И.Т. Касавин, является «тезис о социальной природе и обусловленности познания» [4. С. 5].

Бруно Латур и Стив Вулгар, одни из наиболее известных современных французских представителей общественной науки, знакомы отечественным исследователям по ряду работ, опубликованных как в академических периодических изданиях, так и отдельными книгами. При этом следует отметить, что если работы Б. Латура достаточно полно представлены в их переводах, то взгляды С. Вулгара – лишь в их комментариях. Целью данной статьи является рассмотрение проблематики, основных положений, способов решения, аргументации, а также методологических подходов, предложенных французскими исследователями, так как развитие философского анализа науки невозможно вне знакомства с современной западной традицией, один из вариантов которой представлен в работах французских исследователей.

В комментирующей литературе позицию С. Вулгара и Б. Латура часто определяют как социальный конструктивизм, ссылаясь в качестве аргумента на их ранние работы, посвященные лабораторным исследованиям, где в вопросе о природе научного знания они, наряду с Д. Блуром и Б. Барнсом, отстаивают антиреалистский подход, согласно которому «научное знание сконструировано учеными, а не детерминировано действительностью», и исходят из следующего обобщения: «...Формирование убеждений в науке столь же подвержено социальным влияниям, как и формирование убеждений во всех прочих областях социальной жизни» [5. С. 913]. Представляется, что данная оценка воззрений французских авторов не совсем верна. Считается, что положение о социально конструируемых и реконструированных фактах и реальности заимствуется данным направлением из работ по феноменологической философии и социологии. Действительно, если традиционная теория познания исходит из допущения, что существует действительность «вне нас», и необходимо ее исследовать и изучить, то неклассическая философская традиция в лице Э. Гуссерля ставит эту предпосылку под вопрос, обращая внимание на то, что восприятие и вынесение суждений о мире есть специфические виды действия. Тот факт, что восприятия повторяются, не является достаточным основанием для того, чтобы мы могли уверенно о них говорить, следовательно, необходимо выявить те универсальные правила, на основе которых мы конституируем наш опыт, так как в настоящее время нет ответа,

как это возможно. Условием возможности познания Э. Гуссерль полагает жизненный мир, который выступает фундаментом любого знания. Одна из основных интенций Э. Гуссерля, как ее описывает Н.В. Мотрошилова, состоит в том, что «естествознание *изобретало, конструировало* свой мир идеальностей, уже затем истолковав его как «подлинный», «действительный» мир» [6. С. 106]. Это означает, что мир жизни есть важнейшее основание науки и всегда и всему предпослан. К числу несомненных заслуг А. Шюца относят идею «социального конструирования действительности», а также постановку вопроса о соотношении между научным знанием и здравым смыслом. Различая два порядка знания, под знанием первого порядка он понимает знание, организованное в идеально-типических структурах и определяемое жизненным миром. Последний предстает как состоящий из будничных действий и институтов, основу которых составляют типизации. Возможность узнавания и идентификации внешнего мира становится реальна благодаря мыслительным схемам, «отражающим» типизацию рутинных событий. Отсюда становится очевидной социальная природа знания. Знание второго порядка, представленное наукой, есть форма интерпретации и осознания структур жизненного мира. В то время как традиционная эпистемология трактовала здравый смысл либо как требующее формализации, либо как то, что следует элиминировать из процесса научного познания, феноменологическая традиция указала на необходимость его исследования в качестве самостоятельной формы [7]. В отличие от своего предшественника Э. Гуссерля, полагавшего, что основания интерсубъективности следует искать в структурах сознания, А. Шюц исходит из способности субъектов общаться и понимать друг друга и указывает на два условия, делающие это возможным. Во-первых, обоюдность перспектив, указывающую на существование общего культурного круга, делающего возможным взаимопонимание. Во-вторых, их смысловую конгруэнтность, допускающую, что субъекты истолковывают ситуацию сходным образом. Данные допущения означают, что проблема интерсубъективности не является теоретической, а есть практическая задача [8].

Представляется, что именно социальные исследования науки, способствуя детальному пониманию научной практики, направлены на обнаружение того, как происходит «первичная структуризация» действительности. Как утверждает С. Вулгар, лабораторные исследования, прежде всего, должны выявить противоречие между тем, «что философы говорят о науке», и тем, «что на самом деле происходит в науке» [9. С. 484]. Скандально известная работа Латура и Вулгара «Жизнь лабораторий: конструкция научных актов» достаточно полно проанализирована отечественным исследователем Ю.С. Моркиной, которая вслед за И.Т. Касавиным отмечает, что современный анализ научной деятельности носит междисциплинарный характер, и полагает, что примером подобных исследований можно считать работы С. Вулгара и Б. Латура, которые содержат критику подхода, сосредоточивающего свои усилия на макропроцессах и игнорирующего микроуровень исследований научных практик. Подобный подход оставляет без внимания само содержание научного знания. Представляя собой рефлексивный анализ научных практик, работы Латура и Вулгара призваны показать, что научное знание конструируется из содержания повседневной деятельности и комму-

никации ученых. Анализируя работы Латура и Вулгара, Моркина полагает, что авторы исходят из слишком широкой трактовки понятия «социальное», включая в него совокупность необходимой аппаратуры и материальной комплектации лаборатории, которые, на взгляд отечественного исследователя, не являются социальными факторами, хотя и могут последними обуславливаться. Моркина отмечает, что позиция Латура и Вулгара часто рассматривается и трактуется в онтологическом ключе как отрицание реальности вне субъекта. По ее мнению, в работах данных исследователей наиболее ценным является методология, открывающая новое видение и образ науки. Вопрос же о реальности, исследуемой наукой, сами исследователи оставляют за скобками. В целом, она делает вывод, что, основывая свои выводы на ряде исследовательских методов (антропологическом, историческом, социологическом), Латур и Вулгар «снимают» дистинкцию социальных и технических вопросов, фактов и артефактов, внешних и внутренних факторов, здравого смысла и научного рассуждения, ученых как эмпирических индивидов и как носителей науки» [10. С. 143].

Действительно, французские исследователи критикуют, с одной стороны, эпистемологический подход, занимающийся ментальными структурами и игнорирующий практику лаборатории, с другой, они полагают, что специфику науки не могут объяснить подходы, направленные на выявление особых типов отношений, характерных для науки. Тем самым традиционные подходы в исследованиях науки демонстрируют разделение труда между теми, кто изучает науку как организацию и институт, и теми, кто рассматривает науку на микроуровне. В последнем случае считается, что почти невозможно уловить какое-либо единство за многообразием «микроскопических» проблем, что в целом и обуславливает необходимость разделения микро- и макроуровня исследования науки. Данная альтернатива в современных условиях воспроизводит спор между «интерналистским» и «интерналистским» подходами в изучении науки. Латур полагает, что микросоциологические исследования лаборатории позволяют лучше понять ежедневную научную практику, если только они выходят за пределы «интерналистского» видения науки, и сфокусироваться на ее положении в обществе, указывая тем самым на значение микроисследований науки для понимания макропроблем. Исследования лабораторий призваны нарушить, «дестабилизировать и упразднить» традиционную оппозицию внешнего и внутреннего» [11]. На примере исследования открытия Луи Пастером вакцины против сибирской язвы Латур следующим образом описывает схему работы лаборатории. Он полагает, что наиболее значимым фактором в научной деятельности является установление цепи, связывающей социальные группы, обычно не интересующиеся работой лаборатории, и самой лабораторией, обычно изолированной от заинтересованного внимания. Такая заинтересованность не возникает сама по себе, а является следствием проведенной работы лаборатории по завоеванию внимания. Способ, с помощью которого лаборатория завоевывает внимание, состоит в переносе лаборатории в мир, не затронутый лабораторными практиками. Для этого необходима работа по переводу с тем, чтобы практика лаборатории соответствовала происходящему снаружи. Обратный перевод позволяет переместить внимание заинтересованных групп благодаря тому, что лаборатория

формирует установку: если вы хотите разрешить вашу проблему, вам придется пройти через лабораторию. Однако даже в этом случае интерес к лаборатории не является устойчивым, так как может быть перемещен на переводы других групп. Необходимо, чтобы внутри лаборатории делалось все больше вещей, которые представляются важными для многих групп, считающих, что лабораторные исследования относятся к ним непосредственно и потому оказывают им помощь. Все это становится возможным благодаря «двойному перемещению» сначала в поле, затем обратно в лабораторию. Однако этого недостаточно. Заинтересованные группы не могут оставаться в лаборатории, необходимо обратное перемещение, переход от микромасштаба к макромасштабу, т.е. расширение лабораторной практики. Последнее предполагает компромисс, приемлемый как для лаборатории, так и для «внешнего» окружения. Необходима демонстрация обществу того, что происходит в лаборатории, где оно было много раз «отрепетировано». Вместо дихотомии «внешнего» и «внутреннего» Латур использует понятия «перевода», «переноса», «корректировки», которые подчеркивают, что каждый действующий элемент в том или ином виде *скорректирован*. Наиболее сложным является вопрос: почему и в какой момент лаборатория приобретает достаточную силу, чтобы модифицировать положение дел для всех других действующих субъектов, почему в лаборатории создаются новые источники сил. При ответе Латур опровергает представление о том, что сначала инновации присутствуют только в лаборатории, а затем испытываются в новых условиях, получая подтверждение или опровержение. Действительным источником инноваций является сдвиг, состоящий из последовательной корректировки и изменения масштаба. Лаборатории являются тем местом, где обновляется и трансформируется общество, местом, где различие в масштабе является неуместным, а содержание осуществляемой деятельности оказывает влияние на структуру общества.

В своих работах Б. Латур ставит задачу спасти «конструктивизм» от первородного греха подмены «социальным конструктивизмом» – «скрыть надежды, спрятанные в этом сбивающем с толку концепте, надежды – одновременно эпистемологические, моральные, политические, а может быть религиозные» [12. С. 366]. Он полагает, что конструктивизм может стать единственной защитой от фундаментализма, под которым понимается желание отрицать опосредованность сущностей, т.е. позиция, не дающая в современном мире «шанса» на переговоры. К числу ошибок, заложенных в концепте «конструктивизм», Латур относит, во-первых, сведение его к социальной форме (социальному детерминизму) и его противопоставление позиции «научного реализма» (например, в лице Яна Хакинга). Во-вторых, Латур критикует трактовку понятия «социальный конструктивизм», которая указывает не столько на «тип материала», из которого строится здание научных фактов, сколько на коллективный характер этого процесса, требующий координации множества навыков и умений. Он полагает, что невозможно указать на тех представителей социальных исследователей науки, которые открыто относили бы себя к «социальным конструктивистам». Позицию, согласно которой «вещи устойчивы не по причине внутренней прочности строительного материала, из которого они якобы сконструированы, а по той причине, что их

зримый фасад подпирает прочный стальной каркас общества», Латур классифицирует как «социальный реализм» [12. С. 368]. Указанные типы интерпретации понятия «конструктивизм» действительно, полагает Латур, фальсифицируют данную идею, и именно поэтому понятие «социальное» было стерто в названии их совместной с Вулгаром первой книги. Он задает ряд вопросов: «Возможно ли использование концепт «общество» для рассмотрения удивительного разнообразия науки и техники?», а также «насколько изменится обычный предмет общественных наук, если они займется природными феноменами?». При ответе он дистанцируется от традиции социологизма, стремящегося объяснить «непрочными фактами» социологии «прочные» факты естествознания. Действительной целью социальных исследований науки и техники является стремление показать, «как наука и техника поставляют ингредиенты, необходимые для сотворения и сохранения общества». Исследования науки не стремятся осуществить символическую подмену концептами «общество» и некой «независимой природы» изучаемые ими научные практики, воюя, таким образом, одновременно на два фронта – против социологизма и натурализма. Благодаря исследованиям науки, пишет Латур, «прилагательное «общественный» теперь означает не субстанцию, не сферу реальности (противоположную, например, естественному, или техническому, или экономическому), а способ связывания вместе гетерогенных узлов, способ превращения сущностей одного типа в другой» [13. С. 27]. И именно лаборатория создает редчайшую возможность для объектов предстать в своем истинном свете, создавая ситуацию единства между вещами и словами. Действительные трудности конструктивистского подхода, как полагает Латур, обусловлены самим механизмом конструкции, а также принятым конструктивистским дискурсом. Во-первых, конструктивизм отводит «сомнительную роль» создателю, или «агенту», как некоторой действующей силе, которая, с одной стороны, имеет склонность трактоваться подобно творцу, самостоятельно руководящему своими действиями. С другой стороны, описание процесса строительства всегда предполагает отсылку на «внутреннюю логику материала», «разные ограничения», «вдохновение» и т.п. Как результат в конструктивизме отрицается то, что на первый взгляд содержит в себе данное понятие – «не существует такого производителя, создателя или конструктора, о котором можно было бы утверждать, что он властвует над материей» [11. С. 371]. Второй «неудачей» конструктивизма Латур считает концепт «строительный материал», включающий в себя три аспекта: все подчиняющей себе силы; опоры человеческой изобретательности; источника сопротивления. Данные трактовки не учитывают важнейшей позиции «посредников», необходимости возврата к практике и признания того, что степень устойчивости, прочности, автономности и необходимости знания зависит от качества вложенной в него работы. Он полагает, что у позиции конструктивизма есть важный мировоззренческий аспект. Он выступает единственным основанием для принятия положения о том, что общий мир не задан раз и навсегда, может быть постепенно создан. Полагает, что отказ от концепта «конструктивизм» приведет к господству либо «натурализма», либо «деконструктивизма», где первый отрицает возможность созидующих усилий, второй заменяет ее произволом. В целом же конструктивизм отстаивает в качестве наиболее

важного тезис о «функциональной неотделимости действия и познания» [14. С. 51].

Еще одной попыткой французских исследователей уйти от неверной трактовки конструктивизма является построение реляционной онтологии, которую Латур предлагает обозначить понятием «актор-сеть». Как справедливо отмечает О.В. Хархордин в предисловии к русскому изданию работы «Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии», Б. Латур предлагает, с одной стороны, новое видение реальности, с другой – новую теорию знания, позволяющую объединить социальные и естественные науки [15]. Современные СМИ, пишет Латур, демонстрируют постоянное смешение научных и политических аспектов, увеличивая количество статей, где переплетаются политика, экономика, техника и наука. Одновременно с этим интеллектуальная сфера продолжает осуществлять традиционное разграничение между исследованиями природы, сферой политического и дискурс-анализом. Латур ставит вопрос об онтологических основаниях смешения, которые демонстрируют современные СМИ, и о традиционных методологических подходах, не способных адекватно понять данное смешение. При этом в центре внимания оказываются понятия перевода и сетей. Он подвергает критике сложившиеся подходы, а именно: натурализацию, игнорирующую общество, субъекта, и дискурс; социализацию, не принимающую во внимание науку, технику, текст и их содержание; и деконструкцию, утверждающую иллюзорность бытийственного и политического. Истоки сложившегося различия он усматривает в Новом времени. Выдвигает гипотезу о том, что понятие «новое-временное» обозначает совокупность двух совершенно различных практик, которые, чтобы быть эффективными, должны оставаться различными, но которые не так давно перестали отличаться друг от друга» [15]. Первая совокупность практик представлена существованием гибридов природа-культура благодаря переводу и смешению и может быть обозначена понятием сети, объединяющим в единое целое природу и культуру, Вторая стала возможной благодаря «очищению», приведшему к противопоставлению природы и культуры, вещей и людей, и посредством критики привела к разграничению между миром природы и обществом. Латур формулирует ряд вопросов своего исследования. Во-первых, существует ли связь между очищением и переводом? Он полагает, что критика сделала возможным существование сетей и умножение гибридов. Второй вопрос касается существования других видов практик. Латур высказывает предположение, что доновременные практики, направляя свое внимание на гибриды, «пресекли их умножение». И наконец, вопрос о современном кризисе, инициированном новым-временным подходом. Гипотеза состоит в необходимости регулирования процесса умножения гибридов путем их признания и возможного представительства. Критикует представление, согласно которому Новое время определяют через понятие «гуманизм». Обращает внимание на то, что рождение человека повлекло за собой признание факта существования «не-человечества», т.е. вещей, объектов, а также Бога. Деление мира на природу и общество, осуществленное в Новое время, сегодня воспринимается как имеющее онтологический характер. Общую установку, предполагающую такое разделение, Латур называет Конституцией, а авторство ее «написания» отдает ученым и политикам.

Сам Латур указывает на необходимость связать воедино четыре нововременных «репертуара». Первый рассматривает внешнюю реальность, постулируя ее существование вне нас, несмотря на то, что именно мы способны мобилизовать ее. Второй имеет дело с социальными связями, создающими структурирующие структуры, которые гипостазируются, хотя возникают благодаря нашим желаниям и страстям. Третий обращает внимание на смыслы и значения, якобы властвующие над нами, в действительности же созданные людьми. Четвертый касается Бытия и признает, что условием возможности постановки вопроса о Бытии является наша принадлежность к нему. Данные репертуары, являющиеся несовместимыми в рамках новоевропейской Конституции, на практике трудно разделимы, так как природное, социальное и нарративное постоянно смешиваются. Свой подход Латур оценивает как маргинальный для современной методологии, так как он допускает смешение вышеуказанных форм критики (натурализм, социализация, дискурс) и полагает, что он может быть реализован в рамках симметричной антропологии, способной объединить природу и культуру.

Таким образом, согласно акторно-сетевой теории (Actor-Network Theory, ANT), предлагаемой Латуром, мир представлен не как совокупность субъектов и объектов, а как населенный «квазиобъектами» или «гибридами». Последнее есть метафора, заимствованная из биологии и означающая способность к слиянию единиц, принадлежащих к разным линиям. Обращение к онтологической проблематике данных исследователей О.Е. Столярова предлагает рассматривать как продолжение характерного для философии XX века призыва к возврату к «докантовским способам мышления» в форме требования «назад к вещам». Интерес к онтологии проявляется в переосмыслении понятия «объект» и вопрошании не столько о том, «как субъект познает» мир, сколько о наделении объекта «человекообразными» свойствами, на что в отечественной традиции в конце XX века указал В.С. Степин [16. С. 40]. К объектам подобного типа следует отнести био- и социотехнические системы, а также информационные и экологические комплексы, которые могут быть адекватно поняты только исходя из единства культурных и социальных аспектов. В социологии позиция Вулгара и Латура характеризуется как «материалистический поворот», который не представляет собой «единого направления, связанного с «поворотом к материальному», а есть лишь особое пространство исследований и дискуссий, демонстрирующее некоторые теоретические подходы, концентрирующиеся на идее «интеробъективности» и «объект-центричной социальности» [17. С. 21].

Подобно Латуру, Стив Вулгар утверждает, что современные социальные исследования науки пытаются оспаривать идеи, характеризующие вековую традицию науки. А именно, идею эссенциализма и связанную с ней идею репрезентации, допускающую существование средств и способов, посредством которых генерируются образы предметов, существующих «вовне». В то время как классическая эпистемология полагает действительность не задаваемой, а данной, неклассическая традиция указывает на существование иного подхода, т.е. ставит задачу выявить внелогические основания знания, отстаивая активность субъекта на всех уровнях восприятия, которые, в свою очередь, сформированы совокупностью различных, с одной стороны, унаследо-

ванных, с другой – приобретенных способов ограничений и предпочтений, отрицая тем самым существование неструктурированных «непосредственных данных». Проблему репрезентации Вулгар формулирует следующим образом: «Каковы основания утверждать, что образ или обозначающее действительно являются верным отражением реальности или обозначаемого?». И утверждает, что она характерна как для естественных, так и для гуманитарных наук, где она приобретает методологический характер в форме вопроса об основаниях адекватности отношения между объектами изучения и утверждениями об этих объектах. Критическая же оценка науки означает критику идеи репрезентации. Более того, необходима оценка того, насколько социальный анализ науки основан на идее репрезентации. Вулгар предлагает опираться на две стратегии: инверсию и обратную связь [18]. Инверсия предполагает критическое переосмысление положения о самостоятельности элементов репрезентативной пары, а также отказ от представления о том, что объект предшествует репрезентации. В противоположность эссенциализму следует допустить, что репрезентация предшествует объекту. Стратегия обратной связи означает разрушение порядка, обеспечивающего устойчивое соотношение между миром объектов и миром репрезентации, за который традиционного отвечает наука.

Основной тезис, выдвигаемый Вулгаром, гласит: исследователь создает, конструирует открытие, поскольку объект открытия не предшествует своему обнаружению. В этом отношении показательна его работа «Writing an Intellectual History of Scientific Development: The Use of Discovery Accounts», описывающая открытие пульсаров [19]. Известно, что открытие пульсаров как небольших небесных объектов, которые регулярно испускают короткие радиоимпульсы, относится к 1967–1968 гг. К их открытию привела реализация проекта, направленного на исследования квазаров – объектов, отличающихся нерегулярным «мерцанием». Пульсары были замечены именно потому, что отличались от ожидаемых предпосылок исследования. Зафиксированные необычные особенности объектов первоначально получили различные интерпретации, вплоть до их внеземного разумного происхождения, и лишь косвенно были связаны с исходными предпосылками самого проекта (природой радиоволн, свойствами «малых» небесных тел и приемных устройств, и др.). Будучи достаточно гибкими, данные интерпретационные ресурсы оказались бесполезными. Удовлетворяющая интерпретация была дана лишь тогда, когда были привлечены не привлекающие до этого времени особого внимания работы о нейтринных звездах. Следует отметить, что современные представления трактуют пульсары как вращающиеся нейтрино, именно их постоянное вращение обеспечивает регулярный характер сигналов. Данный пример свидетельствует о том, что отдельное сообщество может иметь доступ к различным не связанным друг с другом совокупностям теоретических ресурсов. И несомненная изначальная теоретическая нагруженность фактуальных утверждений в дальнейшем может быть пересмотрена в пользу иного интерпретационного ресурса. Исследуя открытие пульсаров, Вулгар фактически осуществляет ряд инверсий. Он показывает, что объекты внешнего мира не предшествуют усилиям исследователя по их обнаружению, а конструируются в процессе репрезентации, культурные нормы выступают ресурсом для оцени-

вания, а не управляют им. Логика и рассудок не являются причиной действия, а есть следствие из него, правила не детерминируют практику, а представляют собой ресурс для *post hoc* оценки данной практики. Факты являются следствием познавательных практик, а не их антецедентом. В целом Вулгар настаивает на важном значении роли агента в научной деятельности. Представленные ситуационные исследования, конечно, не являются свободными от методологических и интерпретационных трудностей, в силу сложности интеграции детального анализа интеллектуального развития с изучением особенностей социальных отношений. Сделанные на их основе выводы можно считать предварительными, они требуют дальнейшего изучения и тщательного исследования, но их нельзя игнорировать.

Критическое отношение к попытке выработать новый «междисциплинарный» язык социальных наук применительно к анализу современной реальности через распространение слов-кодов («актор-сеть», «актанты», «гетерогенная инженерия») и тем самым выйти за пределы дисциплинарных границ И. Жангра оценивает как модную тенденцию, предполагающую выражения и «принципы», «использование которых считается обязательным для понимания научных практик» [20. С. 76]. Жангра полагает, что данные исследования, утверждающие единство социального и когнитивного, не проясняют, связаны ли эти факторы воедино в действительности (на онтологическом уровне), или их аналитическое разделение нецелесообразно как методологический прием (на эпистемологическом уровне). Представляется, что позиции французских исследователей затрагивают как онтологический, так и методологический аспект, и в этом отношении представляют собой опереленную целостность.

Общепризнано, что методологическими основаниями исследований Вулгар и Латура выступают антропологический (этнографический) метод, этно-методология, дискурс-анализ и метод *case study*. Французские исследователи полагают, что «недавний поворот в философии науки превратил историков и социологов науки в антропологов, изучающих иностранные культуры» [21. С. 79]. Применение антропологического метода в лабораторных исследованиях означает, во-первых, требование позиции участвующего наблюдателя, во-вторых, что более существенно, аналитический скептицизм в отношении к научному знанию. Известный американский антрополог Клайд Клаххон, определяя специфику антропологических исследований, указывает, что данная методология имеет двойственный характер. С одной стороны, она проявляет себя в особом внимании к мелким деталям, представляя собой попытку описать прошедшие события настолько полно, конкретно и аккуратно, насколько это возможно, попытку установить последовательность событий и обрисовать модели в их следовании. С другой – предлагает такие обобщения, для которых данное направление считается еще недостаточно «созревшим» [22. С. 297]. Согласно основателям данного подхода он не столько решает проблемы, сколько делает совершенно необходимый вклад в оценку познавательного процесса. Значимость антропологического подхода состоит в том, что он может предоставить материал для разоблачения потенциально опасных стереотипов; показать механизмы, посредством которых конструируется знание; помогает рассмотреть кажущийся порядок как сложную и в абсолюте

не выполнимую цель; может влиять на общественное мнение в практически здоровом направлении; а главное, он «из первых рук» знает обманчивость терминов «человек экономический», «человек политический», «человек познающий» и др.

Бруно Латур обращает внимание на различие между инструментальным и рефлексивным подходами в этнографических исследованиях науки. Использование данных этнографических исследований научной практики с целью демонстрации «предвзятых» теоретических конструкций или простого «собираательства» любопытных фактов, Латур определяет как инструментальный подход. Рефлексивная же этнография есть проект, направленный на решение вопроса: «что собой представляет наука?», и является стимулом для развития принципиально новых направлений в социальных исследованиях науки [9. С. 493]. Этнографические исследования, полагает Вулгар, позволяют выявить беспорядочный, неравномерный характер научной деятельности. Основным условием здесь является «вынесение за скобки» уже имеющегося представления о научной деятельности, при этом основная трудность заключается в высокой степени доверия к научной рациональности. Именно поэтому классическим исследованием в рамках данного подхода к науке является работа Вулгара и Латура «Жизнь лаборатории» (1979), которая содержит подробное описание ежедневной деятельности ученых с позиции участвующего наблюдателя и представляет собой близкий социальной антропологии тип документа. Опираясь на требование антропологических исследований изучать объект как неизвестную культуру, а, следовательно, дистанцироваться от желания давать предвзятые оценки, лаборатория в описаниях авторов превращается в место, где сводятся вместе идеи, оборудование, животные, деньги, формализованные и неформализованные взаимодействия, т.е. социальные и технические ресурсы, и конструируются факты. В результате лаборатория, по образному выражению Э. Ригне, оказывается «хорошо организованным карманом в костюме хаоса» [23. С. 224].

Что касается этнометодологических исследований, то они, как известно, концентрируются вокруг вопроса: отличается ли наука от обыденного знания, и если да, то чем? Имея древнегреческие корни, «этнометодология» предлагает видение мира под углом зрения практического исполнения, трактуя субъекта не как носителя формальной логики, а как обладателя «практического сознания» и участника. Признавая вслед за Шюцем «искусные» рутинные и неотрефлексированные действия как самые распространенные, представители данного подхода рассматривают их как основу микро- и макроструктур, в результате чего объективность социальных явлений предстает как свершение «участников». В настоящее время, как полагает Дж. Ритцер, этнометодологические исследования осуществляются в двух основных направлениях [24. С. 291–292]. Во-первых, исследование контекста социальных институтов. Если первоначальные этнометодологические разработки велись в случайной обстановке, то затем стала изучаться повседневная «практика работы» определенных социальных институтов (медицинские учреждения, полицейские участки, научные лаборатории). Этнометодологический подход способствовал пониманию того, что действия субъектов не детерминированы социальными структурами, которые согласно классическому подходу носят

внешний и принудительный характер, а представляют собой совокупность процессов «создания, сохранения, поддержания и воспроизводства социальной структуры с помощью членов группы». Это означает, что микро- макро- структуры создаются одновременно. Другим направлением является анализ разговоров, задача которого – изучение способов организации разговоров, воспринимаемых как очевидные, «детальное понимание фундаментальных структур взаимодействия в процессе разговора».

Отечественный исследователь Т.И. Касавин относит работы Б. Латура и С. Вулгара, наряду с М. Малкеем к традиции дискурс-анализа [25. С. 909]. Известно, что к началу 1990-х гг. рост исследований, которые относили себя к «анализу дискурса», выявил множественность и нетождественность значений термина «дискурс». Понятие продолжало трактоваться в сосюрловском смысле как «речь» (любое конкретное высказывание), в прагматике как воздействие высказывания на получателя, а также через противопоставление «языка» и «речи». И, наконец, «дискурс» употребляется для «обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции» [26. С. 26]. Это означает, что использование понятий «феминистский, политический, научный, административный дискурсы» означает тип высказываний, присущий феминисткам, политикам, ученым, администраторам, т.е. предполагает определенную позицию. Возникнув в 60-е гг. в результате переноса на французский язык понятия «discourse analysis», обозначающего метод, используемый американским лингвистом З. Харрисом, французская школа дискурс-анализа представляла собой попытку устранить ограниченность контент-анализа, распространенного в США. Последний применялся в гуманитарных науках и был направлен на изучение словесного материала, который трактовался только как средство передачи информации. Французские же исследователи были единодушны в том, что «высказывания» (социальные дискурсы) никогда не бывают нейтральными и «невинными», так как не существует высказываний, за которыми было бы невозможно увидеть культурную обусловленность. Именно с принятия этого положения началась, по выражению Натали Саррот, «эра подозрения». Это означает, что проблематика «дискурса» предстает как вопрос об отношении между субъектом, историей и языком. Анализ дискурса начинает мыслиться как некий «механизм, который устанавливает связь, причем в более сложной форме, чем обычная ковариативность между языковой сферой (изучаемой в лингвистике) и социальной сферой, которой занимаются историки (в терминах властных отношений и идеологического господства» [27. С. 197]. Следует также обратить внимание на то, что существуют расхождения, касающиеся оценок и типов текстов, которые выступают отправной точкой исследований. В то время как традиция Альтюссера, соединяя психоанализ, марксизм и структурализм, посредством тезиса о ложном сознании, стремилась доказать принципиальное различие между наукой и идеологией, Мишель Фуко в «Археологии знания» интересовался высказываниями не политического характера, а научного и институционального, применительно к сферам медицины, экономики, права. В работе «Археология знания» Фуко использовал понятие «дискурсная формация», которое означает, что «автор» не основывает свою речь

на субъективности (т.е. говорит не от своего имени), а имеет статус субъекта, высказывания, которое определяется той дискурсной формацией, «от лица» которой он выступает [28]. Это не означает прямого соответствия дискурсной формации какой-либо позиции, так как совокупность высказываний, принадлежащих одной и той же позиции, может относиться к различным дискурсным формациям. Признание разнообразия дискурсных формаций означает требование понимать, что это разнообразие не является случайным, а есть результат стабилизации определенного смысла, свидетельствующий, что акт высказывания законен для той или иной позиции.

Что касается указанных выше авторов, а именно Малкея, Вулгара и Латура, и отнесения их к традиции дискурс-анализа научного знания, то в отечественной традиции анализ подхода, используемого Малкеем и Гилбертом в их совместном труде «Открывая ящик Пандоры», осуществил Б.Г. Юдин, указав, что, исследуя историю науки на конкретно-историческом материале (истории биохимии), английские социологи опирались на метод дискурсного анализа – широко использующийся для исторической реконструкции [29. С. 252]. Понятие «дискурс» употребляется в их работе в значении, предложенном французским лингвистом Э. Бенвениста, который, разграничив план повествования и план дискурса, под последним понимал всякое высказывание, которое предполагает говорящего, имеющего намерения воздействовать на слушателя. Используемый в работах Малкея и Гилберта термин «дискурс» охватывает все формы – от научных публикаций до кулуарных разговоров и различных изобразительных средств. Английские исследователи отрицают возможность рациональной реконструкции реальной научной практики в силу того, что данные, доступные социологическому анализу, лишь позволяют фиксировать некоторые повторяемости и особенности научного дискурса. Как указывает Б.Г. Юдин, данный подход подвергался критике по ряду оснований. Так, Коллинз отмечает, что вывод о том, что лишь техника дискурсного анализа позволяет аутентично воспроизвести взгляды и действия ученых, игнорирует то обстоятельство, что высказывания самих ученых также подлежат интерпретации со стороны исследователей, которая носит селективный и в определенной мере предвзятый характер. Критику дискурсного анализа также осуществляет С. Шейпин, считая, что данный прием, не являясь самодостаточным, даже будучи соотношенным с контекстом, не должен останавливаться на нем.

С точки зрения Вулгара, критические замечания в адрес социальных исследований науки и используемой ими методологии вызваны неверной трактовкой понятия «дискурс», которое различно в традиции французского постструктурализма и англосаксонского эмпиризма. В то время как для Фуко описание дискурса означает «целостную взаимосвязь действий, событий, обстоятельств и объектов, которые вместе составляют собой мир», англосаксонский эмпиризм использует понятие «дискурса» как «узкий набор опытным путем заметных лингвистических действий» [30. С. 312]. И если, как полагает Вулгар, наиболее последовательную версию англосаксонского варианта анализа научного дискурса развивают в своих исследованиях Гильберт и Малкей, то книги Латура и Кнорр-Цетиной демонстрируют влияние континентальной трактовки в анализе текстов. Ставя вопрос о значении анализа

научной риторики, Вулгар выявляет его критический потенциал, обращая внимание на то, что подобный подход предполагает критическую позицию по отношению к тексту – «отказ от утверждения, что текст нейтрален в качестве средства представления» [31. С. 47]. Анализ научного дискурса свидетельствует о том, что любое научное высказывание может быть представлено как положение об отношениях между двумя составляющими элементами А и В: например, пульсары (А) являются вращающимися нейтронными звездами (В). Однако фактический статус утверждения меняется, если добавить модальную компоненту, которая обеспечивает основания для переоценки ранее принятого или предполагавшегося фактического статуса. Очевидно, что добавление «в интересах ученого предполагать, что...» ведет к постепенному принижению фактического статуса утверждения, а добавление выражения «исследователь, который является специалистом в данной сфере, утверждает...» может повысить данный статус. Однако основное значение модализирующей компоненты высказываний состоит в указании на роль агента в конструировании факта и фактического высказывания, статус которого может быть понижен или усилен с введением или удалением модальной составляющей, со ссылкой на участие, действие или указание на предшествующие обстоятельства, повлиявшие на действия агента. Можно предположить, что, когда модальный элемент добавляется, это свидетельствует о намерении деконструировать предположительно объективное суждение, а если он изымается, высказывание приобретает более объективный вид.

Привлекательной представляется перспектива использования понятия «лингвистический габитус» в социальных исследованиях науки, которое его автор П. Бурдьё определяет как «продукт всей истории отношений (совокупность речевых диспозиций и генеративных схем) с лингвистическим рынком» [32. С. 81–82]. Концепт «лингвистический габитус» указывает на синхронический и диахронический аспекты социальной позиции внутри речевого коллектива, а также зависимость от речевой «траектории» исторически накопленного запаса значений, включая опыт индивидов и речевых коллективов по уместному употреблению высказываний в разных пространственно-временных и социальных контекстах. Ключевым моментом в указанных определениях «лингвистического габитуса» является указание на его исторический и контекстуальный аспект употребления.

Современные авторы часто говорят о современной науке как технонауке, которая, как ее определяет Дж. Агацци, представляет собой «исследование – деятельность», в ходе которой происходят пересмотр, критика и отказ от некоторых конструкций, открываются новые модели и инструменты, исследователь не входит в прямой контакт с Природой, а включается в исследовательское поле [33. С. 47]. Не оставляют в стороне подобные тенденции и рассматриваемые нами авторы. Так, Вулгар пишет о повороте к технологии в социальных исследованиях науки как имеющем стратегическое значение. «Социальный анализ должен проявить внимание к содержанию технологии (научному знанию)... технологические экспонаты (научные факты) должны быть поняты как социальные конструкции» [34. С. 29]. Технологический детерминизм должен быть пересмотрен путем признания включенности в технологию экономических и политических систем. Этому может способство-

вать практика дискурс-анализа. Отвечая тем критикам (Т. Пинчу и Винну), которые усматривают в его исследованиях исключительно стремление «ввести социальный конструктивизм в социальные исследования технологии», он предлагает трактовать технологию не только как «объект», но и как «текст». Британский социолог пишет, что в противоположность описанию технологии как совокупности объектов или «силы вне нас» трактовка технологии как текста означает требование исследования процесса технологического развития в контексте его связи с окружающей средой (культурой, системой верований, стилем управления, организационной структурой), т.е. рефлексивное отношение к технике [35. С. 37]. Основной мотив его позиции заключается в требовании перенести методологический багаж социальных исследований науки на исследование технологии, которая должна рассматриваться как «черный ящик».

Подводя итог, необходимо отметить, что социальные исследования науки, осуществляемые французскими социологами, предлагают новое видение науки как практики – наблюдаемых способов действия, в которых не просто реализуются определенные правила или осуществляется индивидуальная импровизация, а реализуется нечто среднее. Такая практика является «стратегическим действием», в котором находит выражение своеобразный «габитус» – стиль действия и мышления. Данная система предрасположенностей к производству мыслей, способов восприятия, выражений, действий и оценок определяет правила и границы той «социальной практики», в которой задействован ученый. Реальная научная практика обладает единством и целостностью, которая выходит за пределы сложившихся дисциплинарных границ. Внимание французских авторов к анализу отдельно взятых научных практик сопровождается изучением, с одной стороны, того, откуда они пришли, с другой – куда они могут нас привести. И трудность подобного анализа состоит в поиске концептов, позволяющих связать воедино гетерогенные факторы и преодолеть каноны отдельных дисциплин.

Литература

1. Столярова О.Е. Спор эпистемологий // Эпистемология & философия науки. 2010. № 2. С. 65–67.
2. Штрёкер Э. Философия техники: трудности одной философской дисциплины // Философия техники в ФРГ / Пер. с нем. и англ.; составл. и предисл. Ц.Г. Арзаканяна и В.Г. Горохова. М.: Прогресс, 1989. С. 54–68.
3. Панельная дискуссия // Эпистемология & философия науки. 2007. № 4
4. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М., 2010. 712 с.
5. Блинова А.Л. Социальная эпистемология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. 1248 с.
6. Мотрошилова Н.В. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2007. № 7. С. 102–112.
7. Бекк-Виклунд М. Феноменология: мир жизни и обыденного знания // Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Пер. с шв. СПб.: Нотабене, 1992. С. 71–105.
8. Шютц А. Проблема трансцендентальной субъективности у Гуссерля // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 46–95.

9. Woolgar S. Laboratory Studies: A Comment on the State of the Art // *Social Studies of Science*. Vol. 12. № 4 (Nov., 1982). P. 481–498. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/284825> (дата обращения: 21.12.2010).
10. Моркина Ю.С. Конструктивизм Б. Латура и С. Вулгара – на пересечении научных дисциплин // *Эпистемология и философия науки*. 2010. № 2. С. 130–147.
11. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // *Логос*. 2002. № 5–6. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/10.pdf> (дата обращения: 12.11.2010).
12. Латур Б. Надежды конструктивизма // *Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна*. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.prognosis.ru/lib/Socio.pdf> (дата обращения: 5.03.2012).
13. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «кислеледаний науки» в общественные науки // *Вестник МГУ. Серия 7. Философия*. 2003. № 3. С. 20–39.
14. Цоколов С.А. Философия радикального конструктивизма Эрнста Фон Глазерсфельда // *Вестник МГУ. Серия 7. Философия*. 2001. № 4. С. 38–59.
15. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина; Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с. (Прагматический поворот. Вып. 1).
16. Столяров О.Е. Социальный конструктивизм: онтологический поворот (послесловие к статье Б. Латура) // *Вестник МГУ. Серия 7. Философия*. 2003. № 3. С. 39–51.
17. Вахштайн В. Предисловие // *Социология вещей: Сборник статей*. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 392 с.
18. Woolgar S. Time and Documents in Researcher Interaction: some ways of making out what is happening in experimental science // M. Lynch and S. Woolgar (Eds.) *Representational Practice in Science // Human Studies (special issue)*. 1988.
19. Woolgar S. Writing an Intellectual History of Scientific Development: The Use of Discovery Accounts // *Social Studies of Science*, 6(1976). P. 395–422. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/284689> (дата обращения: 21.12.2010).
20. Жангра И. Мотив радикализма. О некоторых новых тенденциях в социологии науки и технологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. №5. С. 75–98.
21. Woolgar S. Review: What is “Anthropological” About the Anthropology of Science? // *Current Anthropology*, Vol. 32, № 1 (Fer., 1991). P. 79–81. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2743901> (дата обращения: 21.12.2010).
22. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию / Пер. с англ. А.А. Панченко. СПб.: Евразия, 1998. 352 с.
23. Ригне Э.М. Социология познания и науки // Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Пер. со шв. СПб.: Нотабене, 1992. 445 с.
24. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. С. 287–316.
25. Касавин И.Т. Социальная эпистемология // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М.: Канон+, 2009. 1248 с.
26. Серио П. Как читаются тексты во Франции // *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ.; Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова*. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 12–53.
27. Пульчинелли Орланди Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ.; Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова*. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 197–224.
28. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия. 2004. 416 с.
29. Юдин Б.Г., Шамин А.Н. Ящик Пандоры хранит надежду. Гилберт Д., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: Социол. анализ высказываний ученых / Пер. с англ.; Вступ. ст. В.П. Скулачева; общ. ред. и послесл. А.Н. Шамина и Б.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1987. С. 252–268.
30. Woolgar S. On the Alleged Distinction between Discourse and Praxis // *Social Studies of Science*. Vol. 16. № 2 (May, 1986). P. 309–317. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/285208> (дата обращения: 21.12.2010).
31. Woolgar S. What Is the Analysis of Scientific Rhetoric for? A Comment on the Possible Convergence between Rhetorical Analysis and Social Studies of Science // *Science, Technology, & Human Values*, vol. 14, №1 (Winter, 1989). P. 47–49. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/689669> (дата обращения: 26.01.2011).

32. *Bourdieu P.* Price Formation and anticipation of profits // *Language and Symbolic Power* / Ed. by B. Thompson. Transl. by G. Raymond, M. Adamson. 2nd ed. Cambridge: Polity Press, 1997. P. 66–89.

33. Агацци Э. Переосмысление философии науки сегодня // *Вопросы философии*. 2009. № 1. С. 40–52.

34. *Woolgar S.* The Turn to Technology in Social Studies of Science // *Science, Technology, & Human Values*, vol. 16, № 1 (Winter, 1991). P. 20–50. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/690038> (дата обращения: 26.01.2011).

35. *Woolgar S.* What's at Stake in the Sociology of Technology? A Reply to Pinch and to Winner // *Science, Technology, & Human Values*. Vol. 18. № 4 (Autumn, 1993). P. 523–529. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/690038> (дата обращения: 26.01.2011).